

СЕРИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ»

В серии публикуются труды
известнейших современных
религиозных философов и мыслителей,
размышлявших о судьбах христианства
и христианской цивилизации.

В ней также публикуются
современные исследования философского
и богословского наследия российских

и мировых мыслителей.

Martin Tamcke

TOLSTOJS RELIGION
EINE SPIRITUELLE BIOGRAPHIE

Insel Verlag

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ

МАРТИН ТАМКЕ

РЕЛИГИЯ ТОЛСТОГО

ДУХОВНАЯ БИОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 244.82
Т 176

Перевод: *Андрей Данилов*

Данный перевод с немецкого книги Мартина Тамке
Tolstojs Religion. Eine spirituelle Biographie
публикуется с согласия автора

Тамке Мартин

Религия Толстого. Духовная биография / Пер. с нем. (Серия «Религиозные мыслители»). — М.: Издательство ББИ, 2015. — 232 с.

ISBN 978-5-89647-322-0

Поиски Толстым достойного религиозного образа жизни — ключ к его биографии и произведениям. Мартин Тамке рассматривает толстовское понимание жизни, смерти, Бога, Христа и его учения в контексте напряженной борьбы великого русского писателя и мыслителя за собственные религиозно-этические воззрения, которым была подчинена вся его деятельность, и ради которых он вступил в противостояние с церковью, государством и обществом.

*Верстка: Андрей Кондаков
Обложка: Элла Раскина*

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Insel Verlag Berlin, 2010

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2015
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Оглавление

<i>Введение</i>	7
Бремя жизни	25
Поворот	45
Новая вера	61
Жизнь и смерть	69
Монах	80
Образец юродивого	83
Старцы	92
Отец Сергей	120
Жизнь и Бог	137
Иисус Христос	142

Царство Божье	155
Молитва	164
Библия	176
Так что же нам делать?	197
<i>Заключение</i>	219
<i>Ссылки на литературу</i>	223

Введение

Великие мысли исходят из сердца*.

Что такое жизнь? В чем суть моей жизни? Кто я, и что делать? Для чего моя жизнь, для чего наши жизни? Как мне правильно жить? Как мне организовать мою жизнь, чтобы быть счастливым? Что делает мою жизнь осмысленной? Как мне быть хорошим человеком? Когда я поступаю хорошо? Должен ли я быть солидарен с другими людьми? Помогает ли мне одиночество разобраться с моими проблемами? Какую дистанцию нужно выдержи-

* Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении, т. 41, с. 243. [Цитаты из произведений Толстого даются по: Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в 90 томах*. М.: Художественная литература, 1935–1964. — Прим. пер.]

вать от других? Стоит ли устанавливать близкие отношения с людьми? В чем заключается моя связь с другими, даже с животными и природой? Отчего я чувствую эту связь? Что отчуждает меня от себя самого? Что возвращает меня к самому себе? Что значат смерть и умирание? Как достойно умирать? Как достойно жить? Как действовать в согласии с собой и миром? Как защитить человека от людей?

Бесконечна череда вопросов, будоражащих нас, когда речь идет о нашей сущности, когда мы пытаемся реализовать себя или отвоевать для себя пространство, в котором мы не потеряем самих себя и не затеряемся среди людей.

Кто мимоходом прочитал эти вопросы, проглотив их словно кашу, тот не столкнулся с ними экзистенциально или же не нашел на них конструктивный ответ. Экзистенциальные вопросы, не находящие ответов, вытесняются в подсознание человека, но не исчезают.

Эти мириады вопросов, эти исконные проблемы человеческого бытия волновали Толстого в его творчестве и жизни. В разные периоды одни вопросы для него становились актуальными, а другие оставались в тени. В нашей жизни вызовы, обращенные

к нашей сущности, не всегда одни и те же. При всем постоянстве основополагающих вопросов каждый должен отвечать на них по-новому, ориентируясь на свой особенный жизненный опыт и опыт других. Мои ответы — это не твои ответы, но все же твои ответы важны для меня, потому что твоя жизнь — борьба, так же как и моя.

Исходя из сказанного, намерением данной книги является введение в размышления и жизненный мир Толстого. Она не претендует на новое изложение биографии Толстого. В таковых никогда не было недостатка, и, думается, также не будет дефицита биографий Толстого и в будущем. Этот человек особенно интересен своими внутренними противоречиями, своими устремлениями, своим творчеством, что будет приводить к появлению все новых описаний его жизни. Не всегда такие биографии приносят новые знания о Толстом. Великое множество подобных изложений построено по давно сложившемуся канону из фактов, знаний, дискуссий, которые отличаются друг от друга разве что небольшими изменениями перспективы или особыми смещениями центра

тяжести. Конечно, нестандартные семейные отношения Толстого продолжают вызывать интерес у исследователей его творчества. Толстой и толстовство — еще одна спорная тема, по которой не прекращаются дискуссии, где используются как старые, так и новые данные о последователях Толстого.

Напряженные супружеские отношения в доме Толстого и сегодня привлекают внимание читателя. Жизнь его семьи разворачивалась словно драматическое представление. Кроме того, новые сведения о его жене в последние годы дают материал для очередной смены перспектив. Также постоянно находятся психологи и психоаналитики, считающие, что они нашли ключ к пониманию этой недюжинной личности. Не был ли этот человек просто безумным в своей нестандартности? Толстой относится к когорте величайших писателей мировой литературы, и его произведения — классическое поле литературоведческих изысканий. Однако невозможно охватить всю полноту смысловых аспектов его творчества каким-то одним аналитическим подходом. Причем трудно соотнести этические, моральные идеи Толстого с художественными,

творческими. Ну и, наконец, бескрайне число работ, посвященных отдельным его сочинениям или особым сторонам его творчества.

Предоставим же другим публикациям поиск удачной литературоведческой перспективы, охватывающей всю совокупность творчества Толстого. О Толстом и впредь будут размышлять и исследовать его наследие. Задача этой книги связана с почти забытым направлением в литературе о Толстом. В 1903 году, за 7 лет до его смерти, Толстой по опросу берлинской ежедневной газеты был назван более чем половиной ее читателей самым выдающимся человеком современности. Он уже давно воспринимался своего рода духовным гуру, и его идеи перепевались в немецкой религиозной литературе. Множество людей по всему миру и, безусловно, в Германии повторяли толстовскую критику сращивания христианского с мирским. Вслед за критическим отношением к церковному христианству последовало перетолкование Толстым и самого христианского благовестия. Он во всеуслышание заявил: «Вследствие извращения христианства жизнь христианских народов стала хуже языческой». Идеи Тол-

стого подвигали многих людей, в том числе и в Германии, к выбору альтернативного стиля, образа жизни и к альтернативной точке зрения на религию, мораль и этику, значительно отличавшейся от традиционной.

Хотя исследования об интерпретации Толстым христианства еще не исчерпали себя, но их апогей, видимо, миновал со Второй мировой войной. Вопреки ожиданиям богословов, боровшихся с нестандартно мыслящим человеком из России, его идеи не подверглись инфляции после Второй мировой войны, как это случилось с литературой, которая пыталась модифицировать его идеи на немецкий лад. Та литература отражала пацифистские, анархистские, мистико-социальные, социо-религиозные и рационалистические внеконфессиональные потребности масс в фигуре лидера. Вторая мировая война стала глубоким водоразделом. Много времени прошло со смерти Толстого. Концепции, подобные толстовским, уже давно были вытеснены другими. В первой половине XX столетия многочисленные богословы, религиозные мыслители и волнующие социальными проблемами люди обращались к фигуре Толстого,

интересовались его идеями и рекомендациями. Со временем эта часть его творчества все более и более становилась объектом занятий немногих отдельных специалистов, которые и впредь придерживались мнения, что религиозный аспект в жизни и творчестве Толстого все еще обладает потенциалом для современности и будущего. Лишь немногие богословы или религиоведы, социологи или философы рассматривают сегодня Толстого как религиозного мыслителя. Парадигмальный подход к Толстому, характерный для либеральных богословов протестантизма, представлен у Эдит Ханкес в ее показательном сочинении о Толстом «Пророк устаревших идей»: «В своих поисках современного утилитарного христианства они рано или поздно останавливаются перед Толстым и полемизируют с ним». К Толстому относятся так же, как к Альберту Швейцеру (1875–1965), Мартину Лютеру Кингу (1929–1968) или Махатме Ганди (1869–1948). С ними Толстого напрямую связывают не только общие идеи, но и цепочка преемственности социальной традиции, простирающаяся вплоть до политического крушения бывшей ГДР.

Там, где альтернативный стиль жизни до сих пор является насущным вызовом традиционализму, пожалуй, все же мало уместны концепции, мощно потрясающие существующие устои. Против толстовских «утопий» уже давно выдвигалось сомнение в их осуществимости. Ханкес определяет Толстого как «устаревшего» мыслителя. Это не столько философская характеристика, сколько желание указать на его своенравие и упрямство. Иной точки зрения придерживался гёттингенский профессор систематической теологии Карл Штанге (1870–1959), который противопоставлял Толстого современному на сто процентов человеку. Но и вопрос об отношении Толстого к современности представляет собой всего лишь частный аспект, хотя, бесспорно, интересный.

Однако я не намерен изображать Толстого авторитетом по альтернативным религиозным концепциям, как это делали многие авторы в предыдущем столетии. Я хочу рассмотреть его фигуру на фоне непреходящих основных вопросов человека, которыми по сей день задаются многие. Нас разделяют с Толстым пространство и время, но челове-

ческое бытие ставит нас, как и когда-то его, перед похожими проблемами. Во всяком случае, нам следует пристально взглядеться в его религиозное послание. Это послание человека, который смотрел в лицо вызовам времени и жизни, смотрел подобно нам: не как узкий специалист в определенном научном направлении, не в силу формальной компетенции в конкретной сфере, а как ищущий ответы на непостижимое дилетант, прокладывающий себе путь сквозь дебри культуры знания, сооруженные специалистами. В худшем случае приходится полностью отречься от традиционной культуры знания, если уж никак не пробиться сквозь нее, ведь иначе не сохранить искру света внутри себя. Противоборство с миром еще не закончилось. Вместо кажущихся нейтральными или объективными научных знаний, по поводу которых Толстой вполне мог проконсультироваться, если это представлялось ему нужным и осмысленным, он делал ставку на собственную способность к познанию, на объективность субъективности. И сегодня немало людей попадает на минное поле между традиционной и аль-

тернативной культурой, между фастфудом и биопродуктами (Толстой был убежденным вегетарианцем), между богословием и религиозностью, между церковью и религией, между растущей как на дрожжах администрацией высшей школы и необходимостью вкладывать массу сил в приобретение знания и передачу знания студентам (все это — ежедневное поле битвы и самого автора), между вмешательством банков, университетов, начальства в частную жизнь (во имя прозрачности, эффективности и даже якобы справедливости) и защитой личных данных, сохранением равных прав для слабых и тех, кто не относится к успешным людям, правом на тайну, свободное пространство, неузнаваемость, пожалуй, даже правом на отказ от исполнения обязательств. Такие люди сразу понимают, что господствующие методы решения проблем, кажущиеся объективными в замкнутых системах знания, не могут сами по себе указать искомые направления развития, что эти методы (зачастую весьма упорно) чинят препятствия новым путям. Такие люди кропотливо пробуют альтернативы, по-новому определяют цели,

им приходится новаторски компоновать содержание опыта, неизбежно становясь уязвимыми из-за отсутствия навыков.

Выдача привычной полуправды за истину, впрочем, вполне может проистекать из неучтенной по ходу точки зрения. Только не надо воспринимать мою защитную речь так, будто я хочу отказать всей науке в ее правах. Это ни в коем случае не так. Конечно, я считаю наукой то, что служит не только каким-то абстрактным, нейтральным, «объективным» целям, а элементарно оказывается жизненно полезным. Однако именно жизненно полезная функция науки и стоит под вопросом. Уже Лев Толстой признавал это: «пустые, случайные, ненужные знания, называемые наукой, которые не только не полезны, но приносят величайший вред людям, скрывая от них необходимость одних нужных человеку знаний». Реформатор Филипп Меланхтон когда-то сказал: любая наука должна служить улучшению жизни. Это — слишком часто забываемое основное требование ко всем исследованиям и учениям. Странное дело, об этом зачастую забывают именно там, где просветительски декламируют данное

требование. Во всяком случае, Толстой проявлял неукротимое мужество (или своенравие) в освобождении от кажущихся чем-то само собой разумеющимся клише в науке, церкви, государстве, обществе. Всю жизнь он бился за ответы, чтобы вырвать их у закоренелых институтов. Если же не получал от них ответ, то противопоставлял себя им. Поэтому каждый читатель вправе оценивать, выверять, соотносить, сравнивать свою жизнь с жизнью Толстого, свои идеи с идеями Толстого.

Как сказано, наука не должна забывать про это требование к ней. Того, кто ищет новые научные сведения и интересуется текстами по обсуждаемым здесь вопросам, я отсылаю к научному проекту моего бернского коллеги Мартина Георга и его ассистента Кристиана Мюнха. Мое утверждение, что богословский анализ Толстого застыл все еще в начальной фазе, стало импульсом для их научных штудий, ставших откликом на мой призыв к исследованию. Уже само то, что в Швейцарии подобный проект был поддержан Швейцарским национальным фондом, говорит о научном единодушии со мной южных соседей. Меня переполняют

благодарность и радость, что я могу участвовать в этом проекте.

Интерес к переносу богословских идей Толстого на немецкую богословскую почву, конечно, еще не делает меня специалистом по Толстому. Таковыми являются другие коллеги, в первую очередь литературоведы. Мои задачи скорее сходны с задачами Толстого, ведь и я стремлюсь к свободе собственных взглядов и пониманий от традиционных клише. Я постоянно наталкивался на Толстого в тех вопросах, которые занимали или занимают меня. Предлагаемая здесь мной, безусловно, довольно дилетантская попытка анализа служит приглашением для других людей стать подобно мне попутчиками Толстому в меру их собственной внутренней потребности.

Процитированное в эпиграфе мнение Толстого, что «великие мысли исходят из сердца», озвучивает лейтмотив толстовской религиозности. Толстой требовал безоговорочной прямолинейности, прямодушия. При прояснении решающе важных для него вопросов он не выносил окольных путей, где необходим длительный разбор исторического генезиса, философских имплика-

ций или богословской традиции. Он просто не хотел этим заниматься, а также не был готов отложить свои размышления в долгий ящик, педантично занимаясь дискурсом накопившихся научных концепций. Но это не означает, что он не приступал к чтению таких сочинений. Удивительно, но в течение многих лет он занимался изучением литературы, которая никак не могла дать ему ответ на волнующие его вопросы.

Для него было важно не обращение к истории духовной традиции, а то, получал он ответ на свой вопрос или же нет. Что не соответствовало этому экзистенциальному требованию, он, в силу постоянно томившей его духовной жажды, отбраковывал как негодное. Его волновали вопросы сохранения мира, природы, животных, человечества, вопрос о безусловном моральном должествовании в человеческой жизни. Остальное он решительно отметал как ложное. Из-за этого его объявили еретиком, да и сам он вновь и вновь так заявлял о себе. В своих сочинениях он стремился к прямоте, без которой читателю невозможно осмыслить послание текста, встретиться тет-а-тет с автором. «У Толстого

читатель без обиняков сталкивается с жизнью, смотрит ей прямо в лицо» (Вальтер Нигг).

Мысли Толстого развивались в полемике с современными ему социальными институтами. Критика особой формы российского государства позднего царского времени, подчеркивание колоссальной пропасти между богатыми и бедными, крепостниками и крепостными, срашивающимся с государством русским православием и альтернативными религиозными движениями — в значительной мере обусловленная временем особенность многих его теоретических текстов. Лишь учитывая эту особенность у Толстого, мы сможем понять его ответы на вопросы той эпохи. Противоядием отраве повседневности было сердце, которое Толстой дарил людям. Другой важной особенностью является простота и универсальность толстовских ответов. Власть государства, церкви, экономики, традиционной культуры Толстой часто ощущал как насилие, которому он в полный рост должен лично противостоять, чтобы показать людям относительность якобы само собой разумеющихся вещей. Прорываться сквозь социаль-

ные условности, сомневаться в религиозных традициях, стремиться к свободе, формировать уклад жизни по другую сторону структурного насилия общества и неправильно руководимых институтов, все это требовало от него решительного отречения от удобств собственного быта, отказа от привычных в повседневной жизни вещей.

Резкое неприятие, прямо-таки методичное отбрасывание того, что не проверено собственным опытом, обострило его ощущение окружающей нищеты, а также стало причиной его внутренних противоречий. Внешнее и внутреннее — не только противоположности. Внутреннее приводит в единство, и внешнее объемлется внутренним. Если внимательно погружаешься в свое сердце, следишь за своим внутренним началом, то появляются силы бороться с реальной опасностью извращения социальных институтов и внешней системы. Тогда ты вооружен против безликого насилия над тобой, совершаемого во имя закона или общественной системы, которые не служат благу жизни, а паразитируют ради себя самих. Когда человек осознает, что он организует

свою жизнь не по собственному усмотрению, что над его жизнью довлеют чужие желания и законы, тогда возникает идея альтернативного образа жизни. Тогда человек должен начать по-другому относиться ко всему тому, что до сих пор формировало его жизнь и на первый взгляд казалось чем-то само собой разумеющимся. И прежде всего он должен ориентироваться на свой разум. Потребность вести разумную жизнь, жить в согласии с самим собой — это для Толстого логичный результат неприятия внешнего насилия. Потребность в такой жизни напрямую следует из бедственного состояния жизни неразумной. Толстой озвучивает эти мысли, пользуясь формой местоимения первого лица множественного числа «мы» и никогда не высказываясь о себе самом, хотя питательной средой — как часто с ним было — являлся его собственный жизненный опыт. Основная стратегия толстовского учения — прийти к обобщению, касающемуся всех людей, отталкиваясь от собственного опыта. Толстой раскрывает перед читателем интимные глубины себя, осмысление которых может быть полезно для всех людей.

При этом он не претендует на универсальность своего жизненного опыта по отношению к другим людям, а лишь делится индивидуальным опытом в форме полезных для коллективного опыта поучений.

Весь свой земной путь Толстой занимался очищением собственной жизни от зла. Неизменно он вступал в противоречие с самим собой. Такое вот поразительное постоянство в жизни великого русского писателя! Вразрез со всеми его этическими максимами, жизнь Толстого никогда не совпадала с определяемыми им целями. Наиболее отчетливо это видно по его длительной борьбе с религией. Петр Струве (1870–1944) в 1911 году, год спустя после смерти Толстого, особо выделил именно эту его отличительную черту: «Пусть Толстой был враждебен и даже грозен духу официальной, государственной и церковной, России (это бесспорно); пусть он был народником (это тоже бесспорно в известном смысле), — этим не только не исчерпывается, но даже не определяется ни его дух, ни его путь. Его дух был напоен мыслью о Боге, его путь был путь религиозного искания».